

Станислав Буркин

СЭМ і ТОЧКА

Колониальный роман

Станислав Буркин

СЭМ і ТОЧКА.

Колониальный роман

«Издательские решения»

Буркин С.

СЭМ і ТОЧКА. Колониальный роман / С. Буркин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909091-1

В сибирском городе Томске в коттедже инженера-любителя Лимура Аркадьевича поселяется странный дворник Иван, который, по слухам, есть повторяющий подвиг старца Фёдора Кузьмича президент России. Главе семейства предстоит защитить свой привычный мир от различных сил, которые стараются использовать Ивана в своих интересах, а дворнику — стать тем, кто он есть на самом деле.* Рекомендовано национальной литературной премией «Лицей» имени Александра Пушкина

ISBN 978-5-44-909091-1

© Буркин С.
© Издательские решения

Содержание

Memento Sibiriam	6
Первая за происхождение человецы	7
Вторая за круговорот в природе яже суть	10
Третья за круги лекарския	14
Четвертая за накаления страстных	18
Пятая за не пусты места	21
Шестая за бесы и страсти	25
Седьмая за честных приумножения	30
Осьмая за произрастения благия	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

СЭМ і ТОЧКА

Колониальный роман

Станислав Буркин

мнимый соавтор Игорь Александрович Новиков
художник Ai Xiwen (Китай)

© Станислав Буркин, 2019

ISBN 978-5-4490-9091-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Memento Sibiriam

* Рекомендовано национальной литературной премией «Лицей»
имени Александра Пушкина: <http://pushkinprize.ru/2017/06/09/7496/>

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ

«ЛИЦЕЙ»

ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

И ПОЭТОВ

Первая за происхождение человецы

Восемьсот тысяч лет назад один хомо эргастер, пытаясь заточить кремневый топор, нечаянно зажёл пучок сухого лишайника, топнул по нему ногой и продолжил точить топор. Сто тысяч лет назад его собрат, запутавшись в снастях, пришил свою собственную губу к рыбе. Пятьдесят тысяч лет назад, высасывая костный мозг, вдохновенный каннибал неожиданно получил завораживающий звук сродный дуновению ветра и птичьему пению. Пять дней дядя Мур паял и творил сваркой, разбрызгивая по верстаку звёзды.

Внешне детище походило на узел космической станции. Его чуткие инженерские пальцы то и дело оставляли рабочие инструменты и перехватывали инструменты канцелярские: карандаш, циркуль и линейку – чтобы внести найденные решения в эскизный проект чертежа. Он делал пометки так быстро и виртуозно, что иногда между мизинцем и безымянным пальцем у него оставался тонкий ювелирный автоген с пламенем направленным в сторону.

В качестве отдыха от серьёзных дел дядя собирал из рябой после снятия коррозии пищали пневматический самострел с газовым приводом.

– Стремена в саду откапывал, а вот такое чудо впервые, – сказал он, зыркнув на соседа алтайца как из аквариумов сильно увеличенными бледно-серыми глазами. – Давай, давай, не канителься! Зря пришёл что ли?

Наполовину забинтованным в кожу клинком сибирский индеец срезал широкую стружку с пармского окорока, висящего на бечёвке, и, втянув липкий запах благородной гнильцы, закурил ею дядюшкино произведение или воларицу, как сам Лимур ласково называл свой самогон. Следующую стружку шаман засунул в рот стоявшему рядом маленькому Ясиру в арафатке и подтяжках – управляющему кондитерским предприятием по кличке Цукер.

– Помню, сон у меня был, – жуя на одну сторону, продолжал дядя Мур. – Забиваю свиную голову в скороварку. Раз её! Ещё раз! Бью в пятак, а она, падла, скалится. Тут звонок в дверь. Спускаюсь вниз на пролёт, открываю, а там президент. Живой. Ну, когда это было? Лет пятнадцать назад. Помню, у меня прямо радость собачья к горлу, – поднял он к груди кулак. – Сказать хочу ему и не могу. Как-то пригласить. Какую-то речь. А слов нет. Только радость. Аж стыд берёт, – как обычно хитренько засмеялся он, – какая собачья радость. Наконец, говорю: как же так? Ко мне? И без охраны! Зайдёте, может? А он мне: спасибо, меня там ждут. Так хоть вниз вас провожу, говорю, а то там...

Ещё договаривая, он выбросил руку и бахнул в том сталинской энциклопедии.

– Убил бы чертей, которые его завалили, – сказал дядя, ковыряясь мизинцем в зубах. – Надо же было! Один раз человек такой попадается... Но и, как говорится, – грустно вздохнул он, – Иуд хватает.

– Ладно, Аркадич, – взялся утешать его равви Цукер, выколупывая пулю, остановившуюся точно на статье Данте. – Ушёл он красиво. Не дряхлел. По-царски ушёл.

– Сахарный мой, ты хорошо сказал.

– Если бы его завалили, сейчас бы канонизировали, – промямлил алтаец и налил дорогим разбойникам самогону. – Мощи его лизали бы, ноги в порфире целовали.

– Да ну тебя, неруся! – отмахнулся дядя.

Все ещё разок выпили, и индеец с предвкушением мощей аккуратно стянул пару рубиновых листиков с липкого итальянского окорока.

Три года назад вся страна сидела у телевизора и на кухне. Весь остальной мир поместился в интернете. Северокорейская трагедия! Завороженные чудом, мы все наблюдали медленную хорошо организованную процессию по Большой Пироговой улице Москвы – похороны погибших в результате покушения на второго, третьего, пятого и шестого президентов Российской Федерации. От подлости и неожиданности совершённого преступления у всего мира попросту

перехватило дыхание. Августейший был отравлен причастием во время праздничной литургии в ходе торжественных мероприятий в память о Крыме. Установить, кто именно из священнослужителей и в какой момент добавил яд в богослужбное вино, так и не удалось. Вместе с Верховным были отравлены все клирики и несколько десятков мирян.

Выжили лишь второй, третий, пятый и шестой президенты России. Остальные были похоронены на специально выделенном участке у стен Новодевичьего монастыря в Москве, расположившись рядами между его увенчанными огоньками пряничными башнями.

Ещё через месяц страна впервые после событий увидела своего лидера. Лицо его выглядело так, как может быть выглядело оно на самых первых выборах. Все шумели и удивлялись, как, каким чудом спасшийся второй, третий, пятый и шестой удивительно помолодели? Конечно, этому находили и благочестивое объяснение, ведь избавил не кто-нибудь, а Сам, коснувшийся во время причастия. Но именно с этих пор на Руси, а особенно в дикой глубинке, усилились слухи о том, что царь-де не настоящий. Говорили, будто бы место его занял двойник, клоун или даже виртуальная версия. Дичь эта довольно сильно задела и мою семью. Но об этом подробнее далее.

В тот день, когда Лимур Аркадьевич поведал о том сне, жил он уже в новом своём особняке, построенном на крутом скате под стенами старейшего в Сибири мужского Богородице-Андреевского монастыря в центре Томска. Скат этот или даже обрыв вёл к ветхой чисто томской слободе из покосившихся двухэтажных деревяшек столетней давности. Его твердыня возвышалась красным версальским флигелем с желтыми вставками по фасаду над убогой и депрессивной околицей в низине по улице 2-я Днищенская. За домом растягивались белые стены, над которыми картинно дыбились барочные вперемежку с византийскими колокольни и башенки монастыря с воинственными позолоченными крестами. Самый маленький из этих крестов, даже не позолоченный, венчал часовенку на месте чудесного обретения мощей старца Кузьмича – самого, как гласило предание, тайно устранившегося от мирского властительства и посвятившего свою жизнь духовным подвигам, императора Александра Благословенного. Мощи Кузьмича Томского были помещены не в часовне, а в главном храме в раке под тихо мерцающими и таинственно покачивающимися лампадами.

Так как дядин дом стоял чуть ниже белой стены, он казался её многоглазым стражником. Дядю и монастырь разделял узкий переулок Враженский. Вдоль этого проезда тянулся глухой забор с неприметной дверью, а от неё к дому через обрыв вёл мостик, внешне напоминавший те, что перебрасывались от крепостных ворот через рвы, в которые толпами валились шокированные неприветливостью татары.

Выходя по делам на свои крепостные подмости в момент, когда начинали гудеть, созывая народ на всенощную, колокола, дядя мой тихо не без гордости за своё обустройство улыбался и, если никто не видел, осенял себя крестным знаменем. А если видел, и особенно если был он после рюмочки, то просто слегка пританцовывал. По образованию он был физик, но в Господа верил истово и даже в молодости написал небольшой эзотерический труд, использованный впоследствии какой-то тоталитарной сектой, толпой ушедшей обустроиваться в тайге.

Где-то в казематах особняка у гаражей, где пахло коммунальным погребом, располагались заплесневевшие бункеры с ярусами солений, кочегарка с котлом и оскалившейся горкой угля. От всего этого хозяйства в дом вела узкая лестница, в начале которой таилась маленькая всегда закрытая на замок реакторная. Вот здесь переоблачались древние ересиархи, разоблачались и опять облачались хмельные поэтессы и седовласые лауреаты. Здесь была альфа недоказуемой истины и омега тончайшей лжи. Доктора математики и кандидаты невероятных наук соглашались со всем и тут же расставались навсегда, так и не записав ни строчки. Иными словами, вкус у самогона был незабываемый.

Лестница от реакторной вела круто вверх мимо малоприметной двери. За ней находилась самая маленькая, похожая на чулан, комната с единственным окном, выходящим в крепостной ров. Предназначалась она некогда для сумасшедшего музыканта, человека доброго и тихо певшего женским голосом звукоряд под фортепьяно. Когда музыкант ушёл вальсировать с Галиной Вишневской, её стали сдавать моим друзьям студентам из других городов, но потом все мы отучились и разъехались, а там поселился непринятый на послушание в Андреевский монастырь старичок Иван с массивной лысой головой как у татарина и реденькой бородкой дьячка.

Глаза у Ивана были ясные, голубые, чуть заплывшие, ноги – короткие и кривые как у наездника, лицо – обветренное, а руки – сильные как раз под снеговую лопату, которой он разбрасывал снег, расчищая дядюшкин склон и дорогу для свадебных кортежей, устремлявшихся к монастырю.

Не всегда в доме царили покой и согласие. В казематах под монастырским рвом случались и диспуты. В конце концов, нашла коса на камень. Поднял голову дворник Иван и сказал дядюшке моему, что всякое это оттуда идёт, от древних ересиархов, якобы таинство сотворения роду людского через богохульную панспермию занеслось.

– Что ты там болтаешь, божедурье? – смеялся над ним учёный мой дядя, покуривая на мосту над копошащемся во рву Иваном. – Наш православный Бог, да благословит его Аллах, науке не враг, но, так сказать, автор.

– Чевой-то несет, кландидат кландидатский? – вгрызался в снег человек божий.

– В центре галактики процессы протекают с бешеной скоростью, – разжёвывал дядюшка. – Вот где было творение. Взрывы сверхновых. И так началось у нас всё по божьему произволению и слову Писания. Никого не спросив, чиркнул Бог большой взрыв.

– Больно глазаст, а дурак, младоумен, – криво улыбаясь и рубая снег квадратами, кряхтел Иван. – А мене Илья иначе открыл, отчего зачался у нас белый свет, отчего зачалось солнце красное, отчего лягушки желтоперые зачались, бабочки-коршуны. Впрочем, никому...

– Что тебе Бог открыл, когда ты мне в огород ссышь в четыре утра? – ткнув себя пальцем в очки на переносице, вопрошал прокуратор с возвышения.

– Господня земля и исполнения ея, – возражал Иван и более робко втыкал лопату. – Илья мене открыл, что человек имел сотвориться чудесно и в супротив уставам и законам, которые ныне в мире суть. Бог поучает, а мы и слушаем.

– Ну чему тебя Бог поучает? – вздыхал Лимур Аркадьевич. – Ты больше пачки в день скуриваешь.

– Я «Примы» курю, а оно смиреннее всякаго воздержания.

Вторая за круговорот в природе яже суть

– А все о нем владыченька, владыченька, – бормотал огромный отец Вениамин Шахматов, стоя в ризнице в картонно-плотном литургическом облачении. Он макал китайскую бороду в разбавленное кипятком вино и сердился на архиерея за то, что тот устроил опричнину в епархиальном управлении, когда узнал, что он две недели ездит не на «Волге», а на «Ауди». Архиерейский секретарь, молодой повеса, ходивший в салон выбирать святительский автомобиль, сунул под нос владыке бумагу, а тот и подписал, но теперь уверял, что знать не знал о покупке для него машины представительского класса и что деньги требуется вернуть в епархиальную кассу. Владыка выписывал себе 230 рублей в неделю на пропитание и ел по-царски: пельмени с сёмгой, водка с серебром, рыбное заливное и лично референтом привезённые с Афона сыры и сухие кагоры для диабетиков. Когда палестинцы захватили храм Рождества Христова в Вифлееме, полиция стреляла в святыню, а томский владыка вещал с архиерейской кафедры надсадным голосом:

– Те самые люди, которые при Пилате воссмелились кричать: «распни его!», в наши дни уже всеоткрыто стреляют в храм его Рождества.

И вот что странно: владыка не то чтобы не любил дворника, по-своему верил ему, а не брал в послушники, лишь опасаясь, что юродивый начнёт его как-нибудь дразнить. Но стоило владыке наткнуться на Ивана в монастырском дворе, как старик стягивал шапку с лысины и приветственно кланялся.

– Бог благословит тебя, рабе божий Иоанне! Надень шапку-то. Чего студишься? – мычал князь церковный.

– Так ведь свет мене греет, владычко. Ночь мене осветляет. Грехи на память приходят. И писание приходит. И вся приходит. Сам мир увяда, ибо Илья иде.

– Всё это от протестантов. От еретиков, – махал на него элегантный волшебник посохом святого Макария. – Маран-афа они себя называют. В Кузьме беснуются. Вот и ты Кузьмич протестант. Волхв зороастрийский. Совсем весь в прелести со своими голубиными книгами, – хотел хвалить, но не мог сдержать обличительной силы архипастырь.

– А я никакой Кузьмич, – тихо, но сквозь зубы возражал дворник. – У мене иное отечество и вера моя православная. Что отцы предали – того держусь. Ты мене за грехи ругай, а вера моя голубока. Возьми на послушание, отче святы!

– Да ты ж раскольник. Или бывший экстрасенс какой, – едко говорил церковный князь в свою рыжую бороду. – Деньги вот тебе. Бери! Ступай с Богом, а о постриге и не мечтай, не то я тебя как постригу в Малодумара!

С этими словами он подавал старцу тысячу рублей, старик как бы хмелел от духовного разговора с самим апостолом и легкой поступью в больших валенках скрипел по тропинке, под которой на косогоре горбились крыши и заборы, и подвывала чья-то собака в вечерней густоте уютного сумрака. И казалось, что наравне, а может быть, ниже этого путника вилась, гнездилась утренняя звезда. Пространство звенело, звёздочки шевелились, рисовались. Это Иван шёл у монастырской стены и был как бы над всеми. И берёзовый привкус мороза над застывшими валами из бриллиантовой мишуры пьянил его.

Вдоль сугробов медленно пополз тёмно-синий «Фокстрот». Из него вышли две женщины. Подружка Тиффани и фарфоровая незнакомка. Всё на них было глянцевое, отороченное трепещущими перьями и соединенное цепочками, однако это не означало принадлежности к высшему свету, скорее наоборот – в приличных кругах кодекс неписаных правил исключает строгое следование моде. Они торопливо выскочили перед скрипящим по снегу Иваном, он открыл им дверь на мостик и провёл в дом и дальше крутой лестницей в свою глубокую келью.

– Все святые угодницы к Ивану, – прокашлял цепной пёс, высовывая нос из стылой будки с миской заледеневшей еды. – Того и смотри, помолодеет.

Кот Гитлер пробежал тайным ходом под стропилами, где шла большая игра, и чуть было не проболтался дяде, что за персоны у Ивана. Но коты не умеют говорить, только подглядывать.

– Пиковая дама! – бросил Червяковский, астролог-любитель, сотрудник какого-то института, похожий на смышлёного кокера.

– Ладно. Партия, – нехотя сдался Лимур Аркадьевич и на секундочку представил, что он Бог, и что Червяковский получает от него откровение.

– Я безумно боюсь золотистого плена, – тихо пропел Червяковский, привычно читая чужие мысли, а дядя мой улыбнулся своей елейной улыбкой и добавил:

– Да у тебя стафилококк и тот золотистый.

Они отошли к столику, деликатно сервированному профессором математики Небояркиным. Как и все они, он был актером старинного любительского театра в Доме учёных. Лохматый математик с одного из портретов в университетских коридорах знал толк в ношении бакенбард, понимал в гармонии, ведал пропорции и основания мира, поэтому на его лице как и в квадрате стола царила полная асимметрия. Соблазнительный беспорядок: жидкий алмаз, сотканный в аппарате с кипящим временем, трепетал в иссеченном рисунками графине, рыба предвыборного посула с киндзодзю и крупно молотым перцем молчала о чем-то на пару с жир-птицею гриль, напоминая Червяковскому о былых проигрышах математику, и он, проглатывая досаду, отыгрывался тонкими надругательствами над хозяином дома.

– Мистика кругом, – поднял рюмку Небояркин. – Взять того же Распутина.

– Распутина, – повторил Червяковский себе под нос, уже плетя невидимые паутинки, – Два...

– Да взять моего дворника, – вставил Мур. – Ведь такой же хлыст! Вот была с ним история.

– Валяй, – бросил доктор Тузовский, крупный усатый мужчина с выпирающим клетчатым брюхом, схваченным подтяжками, одиноко катая шары по сукну бильярда.

– Задолжал мне этот чудотворец как-то плату за месяц, – начал хозяин дома. – Я, конечно, скандалить не стал, а взял и написал ему записку на двери «Завтра 8000».

– Латифундист, – потирая ладоши, пожурил вечный Цукер.

– Кашей, – согласился Небояркин.

– На следующий день без всякой надежды сую руку в пиджак в парадной, – продолжал дядя Мур, – а там восемь тысяч бакинских – початая пачка долларов, перехваченная банковской лентой. Я ничего понять не могу, он же сирота без паспорта и прописки. Говорю Нанке: выгоняем! Валюту вот, при свидетелях сейчас верну. Без квартплаты естественно. А Нанка как бросится ко мне: Не гони человека! Выясняется, что внучка старшая пошалила и на записке знак баксов подрисовала. Нанка решила, что я одикообразился, сняла с моей книжки, добавила из своих, и мне в карман. Она, видите ли, давно уже за него нам платит.

– Круговорот прибылей в природе, – заметил Тузовский.

– Где-то потерял, от кого-то получил, – глянул в чужие карты арафатный Цукер.

– Вся чудеса сии в житие пойдут, – пророчествовал Червяковский. – Святой отче Иоанне, моли Бога о нас!

– Деньги-то я обратно положил, – продолжал дядя Мур. – Но у меня комиссия. Я говорю этому негодяю по-человечьи: ладно, та история на совести Нанки, ну сердце у неё доброе. А ты мне комиссию верни – три семьсот.

Червяковский и Небояркин переглянулись.

– А он мне на это: Бог тебя наказует, что ты, голуба, лимурствуешь лукаво! Мир тебе трясе. Амурство своё – или точнее свое – блюди, а я на лопату. Я аж присел, – краснел дядя,

рассказывая. – Говорю, ты мне эти скоморошества оставь, а комиссией подавись и свечек себе поставь за здоровье Анны Фёдоровны.

– А вы знаете, что дворник этот ваш никто иной как... Истинный. А тот, что в Кремле, – перекрестился Червяковский и окинул партнёров любопытствующим взглядом, – все знают, подменный.

– Астрологу больше не наливать, – сказал дядя.

– Бывает, – поддержал вечный Цукер. – Взять того же нашего Кузьмича Томского. Ведь любой дурак знает, что это сам тайно удалившийся от власти Александр I Благословенный.

– Человек иной раз покушается на высоты запредельные, – промазал Тузовский.

– Всё началось с Диоклетиана, – припомнил былое и Небояркин, закручивая пейсом бакенбард. – Это он всё бросил и уехал выращивать капусту. Пытался уйти и Грозный, но тому шиза не позволила. Хождение в народ, ведь целое явление в русской культуре. Как там? Брошу всё, отпущу себе бороду и бродягой пойду по Руси...

– Круговорот старцев в природе, – опять вставил Цукер. – Не стоит село без праведника.

– Вы мне святого Кузьмича с моим подкидышем не путайте, – посмотрел на него дядя. – Ну, есть маленькое сходство, не знаю, правда, в чём... Может, по числу конечностей?

– Могу помочь установить, – наконец-то попал Тузовский. – Как раз в НИИ этим занимаемся. Дочери самых рубиновых кровей обращались. Уточняли, нет ли у прокурорши родственных связей с бывшими. А то что-то она больно на Кшесинскую смахивает.

Небояркин скривился такому обороту, но на секунду потупился и брякнул:

– Да, проверить и забыть.

И тут не то, чтобы червь сомнения вкрался в дядину хмельную, но чистую голову. Ему вдруг стало как-то не по себе от самой постановки вопроса. Это же просто смешно! Но в то же время как-то жутко.

Хозяин громко хохотнул, как бы оценив байку, схватил пустой графин, выскочил на лестницу и побежал, будто за снадобьем. У дверей Ивана он столкнулся с прилично одетой гостьей ветхого постояльца и тут же стал маленьким кокетливым мальчиком.

– Не может быть! – схватился за сердце мой дядюшка. – Какие люди здесь ходят! Иван! А, Иван? Выходи, подлый трус. Что он с вами там делает?

– Привозносиво насилу красилует, – раздельно ответила ему незнакомка.

Дядя Мур раскатисто присвистнул.

– Услышав тонкий визг свистка легко перчатки перепутать, – сказала вторая дамочка и намёком выполнила реверанс, пытаясь обойти заполонившего пространство дядюшку.

– То есть вы считаете, что он – кто? – галантно маневрируя, интересовался враженский деспот.

Фарфоровая дама цокнула замочком и вытащила длиннейшую сигарету, демонстрируя независимость и как бы угрожая закурить её в помещении.

– Или что он вам даёт? – интересовался любезнейший тиран. – А не банчит ли старче Иоанне?

– Для народа? – уточнила белозубая и достала из муфточки крохотный браунинг. – Нет.

– Пожалуйста, не делайте этого! – взмолился дядя, но та уверенно щёлкнула курком и всё-таки подкурила. – Неужели так трудно потерпеть до улицы?

Иван появился в дверях и грустно посмотрел всей чистой голубизной своих глаз в искристое пространство Вакха как бы из затхлости старинного портрета.

– Ты чего это удумал? Ты под кого это подделываешься? – без всякой прелюдии оживился дядя Мур. – Строишь из себя святого, а между тем это халдейство! По рюмке? – переключился он на сударынь и потопал вниз по лестнице, побрякивая связкой ключей. – Форвертс! Мир фольген!

Гости открыли дверь и вошли в платяной шкаф. Большие цветастые птицы выпорхнули на подсвеченный фарами снегопад. «Фокстрот» медленно тронулся, и приземистое тело его поплыло, вращая серебристыми спицами, озаряя веерным светом заборы, сугробы и отваливаемый канализационный люк, где в клубящихся облаках блеснули два мужа в жилетах белее снега.

– Согласно Барту, миф – это похищенный язык, – медленно говорил таксист, погруженный в своё ремесло, – язык, в котором на смену реальности приходит её обозначение. Символы начинают жить своей жизнью.

На широком заднем сидении девушки суетливо раскладывали колоду карт с изображениями носатых дам, убитых королей и довольных чертей.

Дядя Мур же набрал графин и пошёл обратно. Взойдя по крутой лестнице, он постучался в келью затворника.

– Иван, завтра надо будет тебе со мной в клинику смотаться, – предупредил разоблачитель, приглаживая бровь. – С самого утра.

Испуганный старик приоткрыл дверь, но дядя Мур, напевая по-немецки партию лесного царя, уже восходил обратно туда, где среди важных его товарищей шла большая игра.

Третья за круги лекарския

К этому времени дядя Мур был болен неопределенностью – может или не может Иван быть тайно подмененным верховным хозяином? Первое что хотелось ему сделать, так это заесть тревогу, а потом поручить внучке установить видеонаблюдение и с любопытством предаться выжиданию.

– Иван, айда! – громко постучавшись в келью старца, скомандовал дядя и бодро поскакал вниз по узкой лестнице в гараж.

Когда дворник вышел через гаражную дверь в тёмное утро, слоноподобная 21-я «Волга» уже грелась. Машина слепила Ивана отраженным от снега светом, курилась выхлопами и выглядела вызывающе со своим нагло вывернутым колесом.

От слишком долгого моления в затхлой келье на сыроватом зимнем воздухе, попахивающем болотом, Иван почувствовал слабость, холод в ногах и лёгкое головокружение. Вместо палки он схватил подвернувшуюся снеговую лопату и прошествовал с ней как с посохом к поданному авто.

Между тем дядя Мур в норковом полушубке и ушанке хлопнул дверью и, подпрыгивая, поудобнее устроился за широким рулём тучной машины. Азартно покашливая движком, он дважды дёрнулся и встал как вкопанный.

– Негораздок, – комментировал дворник, влезая на задний диван.

– Куда ты с лопатой, дурачок? – проплакал опытный водитель.

– Кудыть без ней? – помялся Иван, но всё же выпихнул наружу черенок.

– Просто беда какая-то, – филином посмотрев по зеркалам, покатил дядюшка с крутой горки в провалы 2-й Днищенской.

Они вывернули из мерзости сожженных деревяшек на снежно-глинистую дорогу, где, уютно покачиваясь и переваливаясь, поплыли в оживлённое городское движение. На перекрёстке касатка влилась в роящийся косяк янтарных, алмазных и рубиновых огоньков предрассветного сумрака Красноармейской.

Дядя вёл виртуозно, представляя себя за штурвалом секретного бомбардировщика. Иван жался в углу, рассеянно глядя на купеческие шубы и шапки, скапливающихся на остановках женщин, а на светофоре – испугался прильнувшего рукавичками к его заиндевавшему окну сонного школьника. Двигающемуся в тесном строю дяде на секунду показалось, что он находится в составе кортежа, так что он пробормотал, сосредоточенно вытягивая подбородок, как бы думая вслух:

– И зачем ты не сел вперёд, лиходей?

Иван чуть сильнее опустил голову в воротник и стал больше походить на лишённого шеи царя Тишайшего, чем на ныне царствующего правителя.

– Сел бы со мной как все нормальные люди, – продолжал задумчиво укорять водитель опустившегося государя. – Совсем возгордился, отступник.

– Чего несешь?! – тут же гаркнул старик и чуть не вышел.

– Знаю я тебя, – усмехнулся с прищуром личный водитель и игриво пропел с таинственной уверенностью в голосе: – Знаю. Иванишь. Краснояришь. Ересиарх.

– А ты барыга, – вдруг рыкнул Иван, когда они уже поднимались в лифте в компании красавицы в пижаме. Дядя Мур рискнул сделать вид, что ей показалось.

– Запомни раз и навсегда, – невозмутимо давал дядя последние наставления, – никакой ты не старец. И уж тем более не... – осекся он. – А бродяга.

Они вошли в кабинет.

– Ну, какие дела? – по-свойски сказал дядя Мур. – Вот, привёл тебе для опытов, – засмеялся он невпопад, но обходительно.

Доктор небрежно вынул руку, чтобы ответить на рукопожатие, но тут же сунул кулаки обратно в карманы халата, и его мясистое, обветренное лицо заинтересовалось фигурой дворника, на которого он недолго смотрел как на товар, чуть раскачиваясь на тапках.

– А чем, собственно, обязан? – вдруг удивлённо спросил заведующий отделением институтской клиники у растерявшегося от такого поворота Лимура.

Коммивояжер вдруг устыдился самой мысли, что Тузовский – это светило сибирской науки – потом будет рассказывать в Доме учёных, с каким идиотским вопросом он к нему наведывался.

Победив малодушие, визитёр махнул рукой как вялый сеятель и ответил:

– Какой экземпляр! Настоящий выворотень.

– На кой шут он мне?

– А ты исследуй, – сказал дядя Мур, восстанавливая инициативу. – Ты человек великой интуиции. Светоч! Я и напоминать тебе не стану, что с ним не так. Если подозрения ваши верны – получим всю славу. Может быть, даже премию дадут, и я успокоюсь.

С этими словами дядя Мур сунул руку в полушубок и мастерски переместил из него в карман халата плоскую бутылку лимуровки с фирменной лично им придуманной этикеткой.

– Господи, что же мне с этим делать-то! – ещё раз окинул любитель всего благодарственного проницательным чуть заплывшим взглядом подарки снизу вверх. Ивановы широкие скулы, впалые морщинистые щеки и китайская бородёнка наконец заинтересовали его. – У меня сейчас скрининг идёт. Испытываем препарат бразильский. От бешенства. Может я его туда? А там – всё. И госпитализация, и кормим хорошо, и двадцать тысяч в придачу. Мне.

– И кровь берут?

– Шесть дней по десять заборов! – гордо ответил фармаколог. – А до этого ещё анализы.

– А установление родственных связей?

– Как? Мы же не институт генетики! – испугался заведующий. – Лимур, ты же образованный человек, – насупился он.

– Кое-кто вчера проболтался, что генетический анализ дочерям президента делал...

– Да вы раздевайтесь, – переполошился Тузовский, схватил Ивана под локоть и повёл к виселице с халатами. Даже снял с него ушанку и нахлобучил её на крюк, так что заблестела глянцевая лысина с мокрыми полосками последних волос. – Побывали, значит, в Китае, теперь им там и тут принцессы мерещатся...

Эскулап открыл поставец и достал подносец самой ажурной скани с хрустальными рюмками на ножках и вазочкой янтарной икры.

– Я-то, друг мой, за рулём. А вот ты, Иван, давай, – благословил дядюшка, не отводя глаз от угощения.

Доктор вытащил из кармана подарок, наполнил три рюмки до краев с шапочкой и деликатно снял с икры филигранную крышечку.

– Ну, – сказал он, осторожно подводя лекарство к усам, выпучил сводящиеся к носу глаза и выпил.

Иван перекрестился и тоже выпил. Фармаколог копнул ложкой икру и угостил ею дворника.

– Я одного понять не могу, – мгновенно проглотив свою порцию, обратился к дядюшке Тузовский. – Ты нам его насовсем даешь или на время?

– Кто ж такое добро насовсем отдаст? – возмутился дядя и тоже быстро воспользовался ложечкой. – Проверишь и назад.

– Не будем превращать закуску в еду. Ты либо пей, либо оставь. Всё же здравница.

– Как говорится, деньги лечат, – бросил дядя Мур, потрепал врача по плечу и стремительно потопал к двери.

– Так на что проверять-то? – крикнул вдогонку врач.

– А, – махнул рукой дядя. Он и сам не понял, почему обиделся на товарища – за выдающиеся глазки, тон или икру. – На что хочешь на то и проверяй. Заберу потом.

– Я давление ему проверю и градусник вставлю! – донеслось ещё ему вдогонку.

Когда дядя мой вышел, доктор выпил ещё раз и сел на край стола. Иван стоял в стороне у серванта, расставив валенки на ширину плеч, и хмуро смотрел куда-то под койку.

– Ну, Червяковский! – то ли хваля, то ли ругая, басил Тузовский, двигая мясистыми щеками. – Будет нам всем премия из-за него! И путевка в самую глушь поднебесную! Ну, Червяковский!

– Есмь червь, – сказал Иван.

– А вы, ведь взрослый человек, зачем всё это поддерживаете? – явно негодовал врач. – Скажите на милость.

Тузовский слез со стола, подошёл к старику и осветил ему фонариком в глаз.

– Я тут передачками про Циолковского увлекся, – осматривая старца, бормотал фармаколог своим густым как бы захлебывающимся от собственной важности басом. – Говорят, незадолго до смерти он сформулировал идею соответствующую парадоксу Ферми и предложил теорию зоопарка, по которой, как он выражается, совершенные животные небес не хотят иметь дела с нами, пока мы ещё не достаточно созрели.

Иван диковато покосился на врача и вновь потупился, ничем не содействуя и никак не препятствуя осмотру.

– Ведь вы человек божий, – сказал Тузовский. – Уж со мной-то чего тут ёжиться? Так вот скажите мне честно, что вы думаете о влиянии на человека существ иной более возвышенной природы. Константин Эдуардович считал, что были стадии куда более разряженной материи, которой могли соответствовать разумные существа нам сейчас недоступные и невидимые. Более того, этот старый фантазер допускал их проникновение в наш мозг и вмешательство в человеческие дела.

– Бесы! – ошетинился старичок. – Встань на колени, телеух! Молись! Кайся пред Богом и проси заступления у его пречистыя матери! Нам ли называть имена, суть коих неведома таким, как ты? Целковский твой известно – поляцкий еретик. Самого страшного не разумеешь!

– У нас с вами на склоне лет сложились совершенно разные представления о реальности, – возразил врач, стягивая со старика верблюжий свитер, надетый на голое тело.

– Богу вера нужна, а не суете дел мирских. Как верили святые отцы глубин – отче Иоанне Богословце и три святителя – так и нам подобает веровать.

– И Константин Эдуардович верил, и я верю. Только не в Бога, а в великую научную революцию в области медицины, которая продлит нашу жизнь, – охотно поддерживал разговор заведующий. – Если на нашем веку продлить жизнь на десятую долю, то у следующего поколения вдвое, а затем вдесятеро и, наконец, смерть станет явлением из ряда вон выходящим, а тысячи световых лет не такими уж недостижимыми пределами. И тогда среди этого лучистого человечества, этого нового народа божьего, существующего и путешествующего на энергетическом уровне будут указывать на откровение Циолковского.

Иван схватил одежду, выскочил из кабинета и, бесшумно топая в валенках по мраморному полу, промчался мимо лифтов к лестнице и засеменял по конструктивистским ступенькам.

– Тоже мне старец нашёлся! – бормотал дядя Мур по дороге домой. – Мракобес! Нанка к нему со всей душой, а он ей: нечего сидеть нога на ногу – нечистого качать. Тоже мне старец нашёлся! Еретик!

Старая «Волга», качаясь на ухабах, проехала по 2-ой Днищенской, с разгону взлетела на косогор и на отработанном повороте остановилась на площадке у гаражей под красным особняком.

Дядино настроение совсем испортилось, когда он увидел на снегу у гаража трафаретом нанесенные надписи, одна из которых гласила нечто подозрительное «ШУМУХЕР».

Четвертая за накаления страстных

Иван стоял в толпе прохожих на проспекте Ленина и осматривал публику, будто кого-то потерял. На шее у него болталась почерневшая икона на веревке, и прохожие принимали его за попрошайку.

– Кошка! – властно рыкнул дядя Мур жене с порога.

– Котик! – своим особенным громким почти опереточным голосом отозвалась Анна Фёдоровна. Хозяйка говорила всегда, как бы иронизируя и потому особенно резко меняя интонации. – Обедать.

Она выключила грибной суп и вытащила сметану.

– Все сукины дети! – сказал дядя Мур, сбрасывая шапку и вешая полушубок. – Тузовский и Червяковский решили свести меня с ума.

– И как до этого дошло?

– Они оба утверждают, что глупый колдун, поселившийся у меня в доме, – возмущенно усаживался супруг за накрываемый стол. – Эти двое решили утверждать! Что он такой же настоящий, как святой старец Кузьмич, – быстро перекрестился дядя Мур и вытер бисером выступивший пот на лысине, когда перед ним на столе появился штоф.

– Конечно он настоящий, – пропела Анна Фёдоровна.

– Нет, ты не ухватила! – продолжал дядя Мур. – Я не в плане его материальности или нет. Я в плане того, что он настоящий старец и чуть ли не хлеще Кузьмича! Того за Первого Александра почитали, а этого и гляди...

Он осекся, но добавил, подняв кулак:

– За царя!

Но вместо того, чтобы двинуть по старинному дубовому столу посреди комнаты, он схватил этим кулаком графин за горло и аккуратно наполнил стопку.

– За царя! – повторил он с тем же возмущением и выпил рюмку до дна, ещё больше шалея и утирая новые капли пота со лба.

– Не знаю, причем здесь монархизм, – рассудительно заметила хозяйка особняка, – но конечно я верю в его искренность и благочестие. Так уж Бог судил, что у нас с тобой настоящий святой в доме завёлся. Им наш дом освящается.

Дядя Мур зарычал и всё-таки ударил кулаком по столу, схватил подскочившую ложку и тут же с храпом всосал с неё горячий грибной бульон из лично им собранных грибов.

– И ты с ними заодно!

– Я ни с кем не заодно, – возразила супруга. – Я просто считаю его божьим одуванчиком. Ходит на службы, снег управляет, добрые вещи говорит.

– Этот мракобес?! – изумился дядя Мур ненаблюдательности своей жены. – Этот колдун?! Да он про тебя говорит, что ты нечистого на ноге качаешь! А? Что скажешь?

– Ещё как качаю, – не удивилась Анна Фёдоровна, глядя, как муж уплетает горячий обед. – Бывает, сяду, положу ногу на ногу и представляю, что у меня на кончике тапочка сидит маленький симпатичный чёртик. Качается, и пусть себе качается.

Дядя Мур остановился, медленно отложил ложку и, выпучивая глаза в сильных очках, потянулся к пульту телевизора, потом нахлобучил огромные наушники и вытащил из одного уха телескопическую антенну. И тут мумия с экрана откинулась на кресле в библиотечной обстановке, поправила оранжевую простыню и поведала, что монашеские правила запрещают употребление пищи после полудня: «Но иногда я чувствую себя голодным к вечеру, особенно после многочисленных встреч, и мне хочется съесть печенье», – вздыхала мумия. – «Тогда я спрашиваю себя: чего хочет Будда прямо сейчас – чтобы Далай-лама следовал правилам или чтобы в его сердце была радость? И ем печенье».

– Нанка! Давай ламу! – закричал Лимур, срывая наушники. – Ты слышишь?

В это время дворник Иван стоял у книжного магазина и смотрел на двух женщин в шубах, предлагавших прохожим какие-то журнальчики.

– Что вы им не скажете, чтобы они ушли, батюшка? – наконец спросила его студентка в шапке с помпоном и с желтым рюкзаком.

– Которая церква над церквами матери? – сдвинул брови Иван.

– Православная, – сказала девушка с подмороженными щеками.

– Посюда, где полагается пуп земли? Краеугольный камень. А который у нас камень камням отец? – продолжал Иван. – Это камень – алатырь. А на нем зверь. Кой зверь всем зверям зверь? Носорожец.

– О сне моем мне расскажите, батюшка, – просила покоренная проповедью девушка.

– Искушаешь, звериха? – с этими словами старик дал ей поцеловать икону, болтавшуюся у него на груди и, колко, словно гвоздем перекрестив, побрел через снегопад дальше по людному проспекту Ленина.

На университетской остановке стояли волкам уподобляющиеся дворняги и чего-то ждали, как будто бы стрелнуть папироску. Иван подошёл и встал супротив. Достал кусок хлеба из кармана, протянул жожаку, тот понюхал, ласково моргнул и отошёл к своим.

Из городского сада вдоль заиндеветших витрин с манекенами вели разукрашенных северных оленей. Загипнотизированная старуха улыбалась на исихазм светофора:

Загорелся зелёный сигнал светофора.

Можно переходить.

Загорелся зелёный сигнал светофора.

Можно переходить.

Грейдер охалками пожирал тёплый бархат, а маленький четырехколесный бульдозер борол сугроб. Длинная девушка продефилировала по соединенному гармошкой салону троллейбуса и, не вынимая рук из карманов, вышагнула из кудахчущего вагона и увязла в коричневой борозде.

Забуть случившиеся в НИИ фармакологии огорчение первый канал дядюшке не помог. Впрочем, как и второй. Он допил штоф, снял наушники и, накинув засаленный бухарский халат и выпятив живот, пошёл в мастерскую полюбоваться своим аппаратом, который сулил ему бессмертие, если не телесное, то, по крайней мере, то славное и непреходящее, которого достигли некоторые из его коллег.

Устройство, стоявшее на ногах из четырех кронштейнов, было бесформенным и производило впечатление комка из приборов и проводов, притянувшихся со всей мастерской к мощному магниту. Дяде оно виделось изящным кувшином. А когда он активировал его и проверял действие режимов, в какой-то момент оно и вовсе казалось ему живым существом. И не сказать, чтобы он не побаивался его. Могущественный звук системы охлаждения напоминал приглушенное жужжание ползущего по полосе грузового самолета, а бегущие по двум экранам строчки отчетов – что-то вроде гипнотических глаз.

На последнем режиме устройство надсадно гудело, как электрический разряд, и тут началось научное волшебство звукового нагрева. Пока дядя Мур сотрясал звуком воздух, где-то на этаж выше Анна Фёдоровна ставила суп в микроволновую печь – это было куда проще, дешевле, а главное эффективнее. Кроме того изобретатель отказывался признать связь звукового нагревателя и чудовищного метеоризма, таинственно сопровождавшего его секретные эксперименты.

Со временем дядя всё больше и больше проникался ни с чем несравнимым чувством величия, радости и восторга. Он понимал, что этого не добился ещё никто, что результатом

этого открытия могут стать такие же прорывы для всего человечества, к каким привели те ничтожные на первый взгляд случаи, когда глуповатый людоед, пытаясь заточить кремневый топор, нечаянно зажег пучок сухой пакли, пришил палец к рыбе или, высасывая из кости мозг, неожиданно получил мелодичный и приятный для слуха свист.

Но, Боже мой! За что таким открытием ты наказал переулок Враженский? В чем был смысл? К чему всё вообще? Сего постичь он не мог. И это доводило его до нечеловеческой ярости, незнакомой хомо эректусу. Оно не могло быть красиво запатентовано с немедленным предложением от ведущих японских компаний, а соответственно не могло быть продемонстрировано интеллектуальным гостям. А этого желал он, казалось, больше всего на свете.

И что тогда оставалось? Иногда, выдёргивая косы проводов, он хватался за стальную полоску рессора, но родительский инстинкт, что-то вроде дуновения в животе или простой слабости, останавливало его, и Лимур Аркадьевич обнаруживал себя стоящим в мастерской над гениальным устройством с железкой в руке как Авраам, заносящий нож на любимого сына.

Тогда он осторожно клал заготовку для лезвия окатаны на верстак с чувством, близким к благодарности, гладил себя по животу и шёл в звёздную комнату. Порожденная отчаянием доброта настолько изменяла его, что эхо каждого шага его восхождения отзывалось в разыгравшемся чреве. Дядя Мур стучался к дворнику и протягивал ему баклагу воларицы.

– Выпей, бездельник, – добрым голосом говорил он. – У вас же, что ни день – праздник. Впрочем, что же это я говорю? Почему у вас? Это у нас... У нас! – поправлялся он. – Все мы православные. И это... Иван, – деликатно добавлял он, – свечу мне поставишь? Что-то волнение у меня внутри.

Пятая за не пусты места

– Эй, негр! – поймал враженский барин своего дворника за рукав, – иди, закрашивай, что ты там на заборе понаписал.

– Иду, иду, батюшка, – смиренно поддался Иван, и его вывели из коттеджа на мост через ров, а по мосту – за ворота.

Они стояли теперь снаружи в переулке между красным дядиным забором и белой монастырской стеной. На заборе была свежая надпись выполненная через трафарет «ГОНЩИК».

– Ах, ты, Илюшенька! – ужаснулся Иван и тут же начал тереть надпись рукавом тулупчика. – Ездил тут всякого народу...

– Плохо играешь, – пожурил его дядя Мур. – Вот тебе краска, вот кисти и валик. Весь забор перекрашивай. Хам!

– От Хама африкане пошли, – возразил старик. – А отца-то у тебя есть? Я вот сын Яфетов. А ты, видно, Симова подколенка.

– В свободной стране ты бы уже сидел, – ележно улыбнулся хозяин и самодовольно покачался с носков на пятки, глядя, как старец начинает исправляться.

– А ацентону не плеснешь нюхнуть? – мешая краску кисточкой в банке, спросил Иван. – С милостивости отдастся?

– Когда три семьсот отдашь, умник? – продолжал любоваться враженский процентщик, покачиваясь и заводя руки за спину.

– Я, значит, хамр мадританский, а ты у нас елропеец симбирской? – спрашивал старик. – Чо за хамилия тебе – толь олропейска, а толь и елрейска кака?

– Сам себя выдаешь, – мурлыкал в ответ феодал. – Думаешь, ты в глубинке? Это под боком у москвитян языки коверкают. У нас в Сибири чистый колониальный русский. Как в Средней Азии.

И вдруг Иван зыркнул на дядю как бы исподтишка, и родственник мой перестал качаться, и даже отшагнул. Это был взгляд благословенного – взгляд, томивший врагов России два десятка лет.

– А, – махал на него рукой дядюшка. – Докрашивай и в кочегарку под арест. Через тебя же, чекист, меня привлечь могут. Тебе шуточки, а это реальный непрезидентский срок. Я ж исключительно для внутреннего пользования гоню. Вот тебе и крест! – указал он на церковные купола. – Ну, бывает, возьму чего на сахар, на дрожжи... Но получаю больше, чем беру.

– Блаженнее давати, – согласился дворник. – Вот только за что, свет, елропеец ты волюшки меня узилишь?

– Нет, я так-то за демократию! – возразил просвещённый сатрап. – Каждый человек имеет право на свободу и личную женщину, но ты ж меня под монастырь подводишь своей мазней.

Утром у дяди чуть не случился удар. Впрочем, он быстро сообразил, что его это уже не касается. Прямо напротив его дома на белой монастырской стене появилась новая хулиганская надпись: «ГОНЩИКИБАРЫГИ»

Весь тот день вновь ездил тут всякого народу, застревали в снегу такси прихожан, дядя Мур звал Ивана с лопатой и обсуждал с каждым спасенным хулиганскую надпись на монастыре.

– А представьте, что если автор надписи вот этот старик, – указывал на орудующего лопатой Ивана разоблачитель.

– Да так-то правильно, – похохатывали таксисты, посматривая на недовольных пассажиров. – Приторговывают духом божьим – тут уж ничего не попишешь.

– Надпись-то может и правильная, а вот дворник у меня неправильный. Думаете, он сумасшедший? Э-э нет. Он настолько хитер, что хочет перехитрить Самого...

– Сигаретку?

– Благодарю, – угощался Аркадич сигаретой у водителя и чиркал спичками. – Вы знаете, что местные старухи его кем-то вроде святого считают? Мол, он повторяет подвиг старца Кузьмича.

– Какой подвиг? – включались в разговор пассажиры.

Дядя Мур многозначительно поднимал палец вверх, опускал его в землю и говорил:

– Подвиг, связанный с самоустранением от власти государя.

– И какого государя? – спрашивали застрявшие на Враженском.

– А вы как будто сами не знаете? – улыбался мой дядюшка.

Люди всматривались в лицо старичка с китайской бородкой и невольно крестились, делая вид, что прощаются с монастырем. Некоторые уезжали сразу же, а иные фотографировались на фоне дворника, прося выйти из кадра хозяина проезда.

– А самое дикое-то в этой истории знаете что? – не унимался экскурсовод. – Если он сбежавший после покушения правитель наш, то кто ж тогда покушение-то устроил? Ведь много верных ему людей там полегло, – не совсем понятно накручивал он. – Так что если это правда, то перед нами безусловный антихрист. Великий человек спас Россию, а этот её погубит. То есть я полагаю, что если это он, то это уже не он, а чудовище бесланское! Русский Агасфер!

Таксисты смеялись, а прихожане хмурились.

– Он сам-то что говорит? – спрашивали они.

– Так вы у него и поинтересуйтесь, – предлагал дядя Мур.

– Ты ли тот или ожидать нам другого? – вопрошали благочестивые. – Скажи, и мы тебе поклонимся.

– Вы только гляньте на них, – шептался дядюшка с таксистами. – Они же готовы клюнуть. Религия, знаешь ли, так и устроена. Это клапан: легенда как снежный ком, прилипает к ней всё больше и больше всякого, и обратного пути не имеет. Сегодня говорим «живее всех живых», а завтра уже «воскресе». Ну, взять то же евангелие, ведь совершенно банальнейшая история там вышла: наговорил чего лишнего, скрутили, навалили и того... Но ведь нашлись духовные лица, которые всё это так вот обставили, – указывал он рукою философа на андреевские колокольни.

– Лимур Аркадьевич, я директор школы, где учится ваша внучка Машенька, – прервала обличительный пафос какая-то женщина. – У нас по плану будет открытый урок в рамках курса основ православной культуры, и мы хотели бы посвятить его старцу Кузьмичу Томскому и феномену подмены царей, начиная с отрока Димитрия. Было бы чудесно пригласить в качестве живого примера вашего дворника. Могли бы вы выступить, так сказать, посредником?

– Это дурдом! – стонал распорядитель. – Вот он перед вами. Что хотите с ним, то и делайте. Разве я сторож ему?

– Здравствуйте, батюшка, – обратилась к дворнику женщина, поправляя большие очки на половину лица.

– Шапку сыму! – неожиданно рявкнул Иван и бросил в женщину снег лопатой.

На чердаке за игрой в бильярд Мур поделился с друзьями.

– Шапку снять, – смаковали они. – Главное кому? Если себе, то всё не так уж и плохо.

– Да чёрт его знает, – ходил с кием на плече Аркадич. – Я с ним уже ничего не понимаю. Одно скажу, страшный он человек при любом раскладе. Взять хотя бы письмо, которое ему пришло неделю назад.

– Э-те-те! Ты что же это, штазист, перлюстрацию устраиваешь? – изумился Цукер.

– Да он просит вслух письма читать, якобы не грамотный, – отмахнулся дядя Мур. – Так вот приходит письмо на его имя, а в письме одно слово: «вольфрам». Я думаю, что за бред? А потом понял, что это он над моей кандидатской издевается. Ведь в каждой микроволновке есть мое изобретение. Я его сделал, но не запатентовал, и всё досталось другим. А как такое

получилось? Я работу на стенде закончил, а вывод в уме держу – хочу моего научного руководителя повергнуть. Он работу прочитал и подытожил – вольфрам. Мне естественно было приятно, но не очень, так как за ним и осталось. Сейчас вилла у него в Силиконовой долине... А к дворнику моему письма приходят с тончайшими намеками.

– А от кого письма-то? – спросил только что закативший свояка Червяковский.

– Ну, как от кого? – устанавливая забитый шар на полку, продолжал дядя Мур. – С телевидения, где слова угадывают. Он же туда кроссворды на мертвых языках шлет.

– Ага! – сказал Цукер. – Так он у тебя только по-русски неграмотный?

– Да. И ответы просит читать. Неделю назад, например, такой был: «вольф», «срам», – продолжал жаловаться хозяин. – И как это прикажете понимать? А наемни из администрации письмо – вот: «Поздравляем с днем ангела нашего города». А когда наш благословенный-то был основан? А я вам говорю: седьмого октября. Кто имеет ум, тот сочти, – примолк дядя Мур, зажмурился и забил среднюю от двух бортов.

Червяковский полез в лузу за шаром и, почесав умудренную голову, прокомментировал:

– Да у вас тут прямо война и мир.

На следующий день Иван напился и валялся сначала на мосту, потом снаружи под воротами, и разнервничавшаяся Анна Фёдоровна обвинила супруга в том, что он отравил дворника. Дядя Мур уже и сам не понимал, кто это придумал – он или она.

Шли местечковые выборы, и дяде моему приходилось то и дело вступать в idiotские переговоры. Вопреки мольбам Анны Фёдоровны он не торопился затаскивать тело дворника в дом, никому не открывал, а спрашивал обходчиков через забор:

– А из какой фракции? Хотя не важно. Мой голос можно купить. Но я дорого стою.

– Если с тарой, – мычал из теплого сугроба агитаторам дворник, – то цена едина, а если без, то уже и станет.

– Тут вот святой человек подсказывает... – не успевали ответить дяде через забор, как выскочивший тигр, раскидывая захожан и утаскивая мычащего старца на свою территорию.

Являлись не только люди. Иногда за компанию с дворником приходили животные. Например, почтальон Навозов-Гаврилов, разносивший пенсию старушкам, охраняемый своей бесполезной собачкой. Иногда собачка приходила и без почтальона, но не будем об этом. Даже если не приходил никто, приходили таинственные сновидения...

Каждую ночь дядя Мур получал Нобелевскую премию. За шведским столом мялся король с семьей. После проникновенной речи, в которой лауреат не забывал упомянуть вольфрам и своего научного руководителя, Лимур Аркадьевич рассеянно слушал гимн радости своего любимого композитора. Король собственноручно вручал лауреату новенький велосипед.

Дядя Мур просыпался с неприятным осадком, но память опять подводила его, и что именно на церемонии прошло не так, он обычно не помнил. Оставалось только спуститься в мастерскую и проверить режимы непоколебимого свидетеля его гения.

– Нанка, давай я тебе на «Метеоре-18» разогрею?

– Себе разогрей, котик.

Анна Фёдоровна включала микроволновую печь, потому что от дядиной установки всегда перегорал свет и всех в доме мутило. Второй раз мой дядя никому никогда не предлагал.

– Кошка, ты знаешь, что такое истинная преданность науке? – поучал он супругу за завтраком. – Был такой итальянский учёный, который высчитал точную дату своей смерти на семьдесят пятый год жизни.

– И что? – спросила жена, доставая подогретые хлопья из ненавистной микроволновой печи.

– Принял яд, – опрокидывая рюмку и посматривая на часы. – Ровно в семьдесят пять.

– Котик! Не наше дело знать времена и сроки.

– Опять ты со своим дворником! – сморщился дядя Мур.

– Вообще-то, кажется, он был плотником.

Чудонагреватель не работал уже третьи сутки и дядя заметно нервничал. Переживания усиливались ещё и тем, что внучка передала ему карточку с приглашением на открытый урок по основам православной культуры.

Шестая за бесы и страсти

Войдя в класс, дядя сходу прокомментировал происходящее:

– Дети и надуватель. Лучше бы вы меня пригласили карточные фокусы показать. Или презентацию моего устройства сделали бы.

– В чем же смысл вашего изобретения? – вежливо спросил местный физрук.

– После узнаете, – помрачнев, погрозил дядя Мур и уселся в углу так, словно и не собирался участвовать в дискуссии.

Старец стоял в своем рабочем халате возле окна, крестился и клал поклоны. Дети шептались, учителя восторженно ждали обещанного чуда.

– Да что же это за Бог такой, которому надо, чтобы перед ним так нагибались? – тихо бурчал маловерный.

– Лимур Аркадьевич, – делала ему замечание школьная начальница. – Дети, кто из вас знает, кто такой Кузьмич Томский?

Дети в разной степени сообщили, что знают. Был это класс седьмой, а школа находилась недалеко от монастыря. Детей часто гоняли туда рисовать, а там кто-нибудь да рассказывал сказочную историю о том, что Александр Благословенный подстроил свою смерть и провёл старость в Томске под именем Кузьмича.

– Как вы считаете, Кузьмич это царь или не царь? – спросила директорша.

– Цаарь, – вяло ответили дети.

– Давайте проголосуем? Кто за то, что царь?

Все, переглядываясь, потянули руки.

– Хорошо. А как вы считаете, мог ли другой наш правитель повторить этот подвиг?

– Дааа, – покорным хором согласились дети.

– А какой?

– Стаалин, – протянули одни дети, а кто-то даже предположил, что патриарх.

– А нынешний президент мог? – намекнула директриса.

Дети молчали.

– Тот, кто сейчас ненастоящий, – подсказал один из гостей школы, видимо из родителей.

– А кто в Кремле? – недоумевал кто-то.

– Ничего нельзя знать! – перебили шепотом крамольные разговорчики. – Тихо!

– Но и то, что царь Александр Павлович почил, считала вся образованная Россия, пока он тихо жил у нас здесь ещё сорок лет, – гнула своё школьная администрация.

Дети безмолвствовали. А сияющее начальство глотнуло воды и изрекло:

– Давайте представим хоть на секундочку, что старец Иоанн это президент. Я имею в виду – настоящий президент.

– Матери мать! – схватил Иван себя за хаттабову бородку.

– Подождите, – царственно осекла его директор. – Согласно конституции мы ведь имеем право так подумать и сказать? Чтобы вы тогда сделали? Ну, ребята?

– Я бы спросил, зачем этот Иван Кидала кучу народа с собой в церкви божьей положил! – вставил мой дядя, но ему погрозили пальцем и подбодрили учеников:

– Ну же, ребята?

– Старец Иоанн, – обратилась к гостю из прошлого одна девочка, – вы человек?

– Человекам веры нужна, – отвечал старик. – Вот и вы веруйте. Бога веруй. Ликуй, моли.

Голубей корми. Голубей не обижай.

– Вечно он юлит! – проворчал дядя. И тут произошло что-то очень странное, во что никто не смог бы поверить, если бы сам не был свидетелем этого. Старец улыбнулся и подул на детей.

Сначала на всех, а потом стал дуть на каждого в отдельности. Дети выстроились в очередь и начали, посмеиваясь, поддаваться его чародейству.

– Вот в этой деточке бесок, – сказал старец, беря смущенную девушку за плечи. – Бесок толщина с волосок. Давайте-ка свечек восковых и воды теплый тазок, чтобы вылез проказник.

С этими словами он положил жертву на парту, установил на четыре угла зажженные свечки, три свечки прилепил к пластиковому тазу и начал ходить с ним вокруг девочки, распевая:

– Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь. Аллилуиа.

Потом неожиданно подскочил к парте и плеснул из таза на грудь девочки так, что та с воплем соскочила, а старик закричал:

– Держи ея! Хватай! Назад!

Родители набросились на семиклассницу и поволокли обратно распинать на парту.

– Ох, окаян! Бес танцеляс! – кричал дворник. – Как тебе псалтирюшка, а?! – и он лил ей на лицо из таза, так что она захлебывалась и билась в истерике. – Это все от танцев бесовских идет! Думаете, клуб «Какаду», а он-то «Как в аду!» А ну кукарекай, бес окаян! Кукареку! Кукареку! Чтоб все тебя слышали. – И она кукарекала. – Гоните его аки псы! Бесалайте на него! Рычите на него! Обуял душеньку...

В общем, после небольшой молитвенной подготовки открытый урок по основам православной культуры проходил жарко и скучно не было никому. Неизвестно, правда, в какой момент ворвалась бы полиция или началась драка, если бы смысленный мой дядюшка незаметно не подскочил и не оглушил разбушевавшегося дворника. Закинув его на плечо, он быстро побегал по коридорам с фотографиями отличников и вывалившимися из других классов учителями и, наконец, прошествовал мимо вытянувшегося по стойке смирно охранника на вахте.

Утром в сопровождении почтальона на Враженском появился участковый с кожаной папкой и стал внимательно рассматривать монастырское граффити, пока Навозов-Гаврилов со своей собачкой звонили хозяевам особняка.

«Обдувало», «звуковой говнонагреватель», «каломес», «велосипедист» фиксировал человек в форме на планшет заборные росписи, совершенно не обращая внимания на душевнораздирающие послания вроде «Ангеле мучителе наш, ты гони скорей *ОН*» или «Алкоголизм есть большая трагедия, падаю на забор на велосипеде я».

– Майор Мамонтов, – представился дяде участковый похожий в своей фуражке на мухомор. – Тут жалоба поступила. Бомж Романов у вас живет?

Дядя молча покачал тубетейкой, пальцем приказал привязать собаку на мосту и провёл гостей в свои заставленные колониальной азиатчиной комнаты.

– Итак, давайте по порядку, – призвал хозяин дома к конструктивности и по-барски уселся на диван в своем красно-полосатом подбитом ватой халате, в то время как лица при исполнении скромно устроились за столом перед ним.

– Коллективное заявление, – не без пафоса изложил полицейский. – Вот копия. Говорят, что вы в школе на глазах у детей избили гражданина Романова.

– Простите? – не поверил дядюшка и даже приставил ладошку к уху.

– Во время проведения молебна, – начал читать офицер бумажку, – в ходе открытого урока, посвященного основам православной культуры, вы несколько раз оскорбили Романова, после чего нанесли удар кулаком по голове, сорвали урок и утащили потерявшего сознание преподавателя.

– Какого преподавателя?

– Бомжа Романова, – пояснил участковый, – проводившего урок.

Дядя Мур с прищуром посмотрел в световой монолит дневного окна и почесал сморщенный лоб.

– Кроме того, от вашего дома идёт вибрация, которая приводит к разрушению исторических памятников на территории монастыря. Возможно, вы проводите дома незаконные эксперименты, и я как участковый обязан провести соответствующие проверки.

– Ну что ж, – снял тубетейку и погладил себя дядя. – И первое и второе вздор совершеннейший. – Глаза его в увеличивающих очках выражали в это время наигранное безумное удивление. – У меня от их царь-колокола тоже башка трещит. А в школе нами была показана безобидная сценка, в которой я исполнял роль гонителя православия. Возможно, кто-то воспринял увиденное действие как-то неправильно и слишком буквально. А что касается моих экспериментов, так давайте я вам всё сейчас покажу. Пройдемте. Товарищ почтальон, и вы – тоже. Идемте, идемте. Не стесняйтесь.

– Демонстрация сцен насилия является правонарушением, – упрямо продолжал майор. – Особенно в детском учреждении.

– Ну а распятие это разве не демонстрация сцены насилия? – оправдывался уверенный в себе хозяин.

– Это традиционные ценности, – твердил участковый.

– Послушайте, как вас там? Мамонтов, – несколько высокомерно защищался мой дядюшка. – Набожная христианка учит своего ребенка за Христа жертвовать своей жизнью. Что это за призыв? Любой цивилизованный человек, если у него похитят сына или дочку и будут требовать отречься от родителя, немедленно согласиться с отречением от себя. Насколько церковь любит своих чад, если требует их жертвовать в таком случае жизнями?

– Ну, это уже вопрос к начальству, – вздохнул участковый, и они вошли в небольшую захлавленную приборами и инструментами комнату. Посреди помещения словно на четвереньках на четырех кронштейнах стоял «Метеор-18». Окон в помещении не было, а прибор освещал операционный светильник, позволявший избежать теней.

– И что это такое? – попробовал сфотографировать на планшет участковый, но дядя Мур с учтивым выражением на лице воспрепятствовал ему всем своим басмаческим телом.

– Безобиднейшее изобретение от сердца для всего человечества, – игриво защёлкал тумблерами и закрутил катушки дядя. – Маленький подарок домохозяйкам и смиреннейшее приношение Отечеству.

– А вибрация от Него?

– Сейчас всё посмотрите, – пообещал, вдохновенно втягивая воздух через нос, вражеский гений и, несколько волнуясь в ходе первой презентации, включил прибор на ещё неиспытанную силу.

– Может лучше не надо? – спросил почтальон и тихо взял участкового под руку.

Устройство качнулось, встряхнуло проводами и, кажется, даже чуть-чуть присело точно перед прыжком. Могущественный звук «пом-пом-пуп-пом» системы охлаждения повёл «Метеор» в разгон. Бегущие по двум экранам строчки отчетов неожиданно сменились табличками «опасность!» и «предельный режим!». Тут из различных узлов устройства брызнули искры, свет погас, а помещение озарилось словно в грозу рваными вспышками от хлопающего и дымящего агрегата. Наконец наступила страшная тишина. Больше тишины вы ещё и не слышали, только тихо что-то пощёлкивало в устройстве, и горела зеленоватым пламенем одна из его плат.

– Кажется, я слишком испугался, – признался почтальон, а майор развернулся кругом и косолапой походкой побрел прочь, тихо и гнусаво матеря всё подряд.

– Господи, до чего ж мы чувствительные, – едко пожурил хозяин как бы каменного гостя и, двигаясь спиной к стене, пошёл к полке с огнетушителем. – Всего лишь перепутал режим, а вы разнервничались. Суть открытия в том, чтобы раз и навсегда избавиться от микро-волн. Теперь то, что делается вредными и плохо изученными микроволнами, будет достигаться

попросту звуком. Хотите Бетховена? «Полет Валькирий» Вагнера? Или может быть Глинку? Звуки органа будут готовить за вас толчку с подливкой и кабачковое рагу!

Тем временем на улице тоже не всё пошло как по маслу. Были свои трудности и тревоги и в Андреевском монастыре. Казалось, весь центр снежного города о чем-то серьезно задумался. Но о чем? Может быть, действительно не хватало всем иной музыки.

Так думал и дядя Мур, наполняя свой первый за этот непростой день графин целительным жидким алмазом. Субстанцией, предрасполагающей к умным беседам и даже в подвале отражающей бездонное небо. Денницею. Зоряницею. Утренницею. Светлусою. Чигирь-звездю. Заранницею. Сабалскатною звездю. Зорнячей. Воларицей.

Ты враг себе
Ты свет во мне
Ты демон лучезарный
Денница
Ты чигирь-звезда
Последняя зарница
Мне это снится
Только снится
Весну с суккубом проводила
И всё внутри опустошила
Все помню в ужасе курила
За каждым словом страшный взгляд
Всё небом, небом восхищалось
Загадочное существо
Со мной перемешалось
Всё в небо хочет впитаться
И наши дни подряд
Горят
В ответ зрачки, зрачки горят
И хочется перекреститься
Сигаретой
И возвращаюсь в дом
Раздетый
Потом, ну, а потом
Мне за руку суккуба подержать
И потянуть, тянуть, тянуть
Кричать, бежать,
Окно устало распахнуть
Вдохнуть
Его ужасное и хищное томленьё
Скользит и разбивается как ртуть
В моем нутре
Ты демон лучезарный
Денница
Ты чигирь-звезда
Последняя зарница
Мне это снится
Снится навсегда
Холодный дух луны

Любимая моя

Что-то подсказывало Лимуру Аркадьевичу, что «Метеор-18» всё-таки оправдает себя. Ведь не может укрыться город, стоящий на вершине горы, и разве всё тайное в конечном счёте не станет явным? И когда-нибудь народная молва будет возводить на Олимпы не только юродивых дворников, но и действительно наделавших кучу добра бескорыстных сибирских учёных.

Седьмая за честныя приумножения

История с чудесным спасением благодаря днищу началась в этой семье задолго до экспериментов дяди Мура. Литератор Чехов был знаком по дворянскому собранию с муриным прадедом Сергеем Ивановичем. Этот предок его служил мировым судьей и был человеком незаурядным, если не сказать одиозным. Из собрания деда Серёжу выгнали и сослали с семьей в Сибирь за дурашливое предложение ввести в Российской Империи общие брачные законы для русских и мусульман.

В 1938 году он копил цианистый калий, покупая ежемесячно по небольшой доле грамма у знакомого аптекаря. Когда однажды ночью за ним пришли вежливые люди, дедушка сел, надел пенсне, высыпал порошок из бумажки себе в рот и запил стаканом воды из графина. Ветхого старика с окладистой бородой поволокли в подвалы НКВД на площади Революции с далеко идущими планами, но вот незадача – его поминутно рвало, и вышибало днище. После трёх дней дурно пахнувших допросов измотанный следователь сказал, чтобы тот убирался к чёртовой матери хоть в Париж. До конца дней своих поминал Сергей Иванович хитрюгу-аптекаря. Чехов выписал этого предка в качестве рассказчика в «Человеке в футляре».

Было тепло. Шёл крупный снег. Транспорт ещё не ходил, и Иван шёл пешком, никуда не спеша. Через полчаса он остановился у трамвайного парка, бессмысленно глядя на пятиэтажку.

– Ух! – грозил он толстухе кондукторше, курившей у пропускной. – Разуверовала в церковие посмертное?

– Я противобесконечна, – сплёвывал себе под ноги светоотражающий жилет. – Недолго быть нам нигде, никак и ровно через мгновение после конца света. Я больше верую в эфирность масел, чем всех этих душ.

– Бесы! – заорал старик, будто бы про весы и топнул на кондукторшу валенком.

– Ты мне тут не топай! – подбоченилась трудовая женщина. – Попам я никогда не доверяла. Единственное, чего боюсь, так это стать с тобой и ещё сотней дураков одним многоочитым животным в веке будущем.

– Как же ж без наказаний, да по таки речи жить? – ужасался Иван. – В семь час суббот ходи на Враженский. Чудеса Илья явить будет и бесов погонять.

Дело в том, что дворник установил опытным путем, что каждую субботу ровно в семь земля у монастыря начинает слегка гудеть, и у каждого возникает неудержимое желание завернуть к обители. Про «Метеор-18» Иван толком ничего не знал, а эффект приписывал молитве к сорока мученикам и чудотворил по совести. Субботними вечерами на Враженском бесы так и рвались из грешников кратчайшими путями. Бывало, Иван и сам очищался, а потому три дня до субботы строго говел, ходил на исповедь и делал по три глотка крещенской воды, желтевшей у него на подоконнике.

Последний раз после того, как он чудотворил в школе на уроке по основам православной культуры, его так пронесло, и совершенно не по расписанию, что аж хлюпало в валенках. Впрочем, в тот злополучный день досталось многим: Иван видел смирение участкового Мамонтова, выскакивавшего из дядиного дома в переулоч с глубокими снежными колеями.

– Да что же это такое! – исходил проклятьями майор, поскальзывался и падал так, что папка укатывалась от него. – Расстреливать надо!

– Пистолету утеряет, – говорил ему вслед старец, чувствуя приливающую благодать. – Кака ж ты божья власть отмстительна без пистолеты?

Где-то об эту пору архиерей делил епархию ещё на две части, ибо чудилось ему, что здоровье не выдерживает юрисдикции над территорией размером с Италию. Всю зиму Иван караулил святителя и в отместку за то, что архиерей не берет его на послушание, делал различ-

ные душеполезные подарки. На тезоименитство он всучил архиерею блюдце молока с огурцом со словами:

– Преосвященнейший вития! Примите от всея Россия.

Князь церковный размахивая посохом, гонял старца по сугробам, а народ божий умилялся этими древнерусскими житийными сценами и слагал легенды.

Одна из этих легенд в простоте гласила, что дворнику от силы лет двадцать и что он бывший наркоман, а под видом старца косит от армии. Чего только не измыслит народ-рачитель! Говорили, будто он в Иерусалиме ест мощи или что это обезумевшая старуха. В интеллектуальных же кругах ходило о нем смутное подозрение характера неудобосказуемого, таинственного и даже заговорщического, роднившего историю Ивана с историей других старцев с высочайшими связями – цареубийцей Александром Павловичем и Григорием Распутиным.

Старцы – харизматические лидеры в церкви, всегда существовавшие параллельно иерархическому духовенству и изначально именовавшиеся пророками и апостолами. Старчество всегда сектантское, всегда радикальное, всегда апеллирующее к собственным визионерским способностям более, нежели к книжному авторитету. Старчество легко составит новое евангелие, если старое позабудут. Живое, эзотерическое, необузданное, изгоняющее бесов, совершающее бесчисленные чудеса старчество ненавистно иерархам. Но оно ближе к народу, больше взаимодействует с ним. Не старцы навязывают народу свою роль, а народ приписывает старчеству все его подвиги. Старец всегда тоталитарен. Старец предостерегает от других живых старцев. Мертвых же – почти сразу объявляют великими подвижниками, чтобы безопасно удовлетворить глубинное народное чаяние.

Вот он стоит – Враженский старец с лопатой: взгляд слегка собачий, с хитрецей, но в то же время добрый и искренний. Он знает себе цену. Реденькая бородка его колышется, ветром загибается. Лопата в руке его – инструмент обличения. Драная шапка и валенки – тоже. Возраст совершенно не определим. По мнению критиков явления, старцам свойственно прибавлять себе года, чтобы более соответствовать образу.

– Душепагубное актерство и печальнейшая комедия, – говорил дядя Мур, становясь свидетелем картины: Иван пилит тополиную ветку, на которой сидит верхом, за ним наблюдают усевшиеся в ряд шесть дворняг, причем одна из них методично старцу подвывает, вытягивая волчью морду и зыркая вбок.

Дядя учил внучек шулерскому делу, и они, со свойственной детям хваткостью ума, превращались в настоящих хищниц. Многие знатные вельможи, посещавшие Враженский, проигравшись в пух и прах, хотели с оружием идти против наустителя, но когда вспоминали, что им нужен *ОН*, с позором платили проспоренные дядюшке доллары. Ведь Лимур Аркадьевич в самом деле никогда не продавал. Он выигрывал. Выигрывал в бильярд, выигрывал в преферанс, выигрывал споры и в качестве утешения дарил сопернику лимуровку. А если случалось проиграться, то честнейшим жидким алмазом он был готов вернуть свой долг.

Деньги не были проблемой. Однажды дядя Мур, пораскинув мозгами, понял, как можно быстро озолотиться. Всё было элементарно. В минуты малодушия он даже побаивался, что соседу алтайцу или кому попроще также откроется эта шаманская схема. Нужно было попросту провести деньги с карточки на карточку вокруг Земли с опережением скорости транзакции по формуле

$$I = \frac{15 \left(V + \frac{2PR}{T_1 - T_2} \right)}{V_1 - V_2}$$

При этом за I принималась прибыль. За Y – количество участников. $2PR$ – метраж широты, на которой проводился эксперимент. T_1 – физическое время, а T_2 время банковское. За V_1 бралась скорость движения денег, а за V_2 – скорость вращения планеты.

Согласно расчетам можно было гарантированно удвоить высланные вокруг Земли деньги через тринадцать целых четырнадцать сотых минуты, когда они, сделав опережающий транзакцию виток, оказывались вновь на исходном счету.

Участники эксперимента не должны были быть посвящены в суть затеи. Им следовало находиться примерно на одной широте, и они обязаны были отличаться не только кристальной честностью, но и вообще всем, кроме одного – у всех должна была быть карточка «Сдербанка». После двухмесячной подготовки и отсеивания кандидатов дядя Мур в присутствии родственников и ближайших друзей готовился отправить испытательные 1000 рублей. Гений финансовой кругосветки нажал на значок «Выполнить операцию», и запуск первого в мире виртуального витка денег вокруг земли с искажением пространства и времени состоялся. Каково же было удивление дяди, когда спустя точно отмеренное время, пройдя через тридцать населенных пунктов, на его счет поступило ровно 899 рублей 90 копеек.

Лимур Аркадьевич был уверен, что стал жертвой подлого заговора, и что кто-то попросту украл у него честным умом заработанное удвоение. Повторить же эксперимент он не решался не потому, что было жалко денег, а потому, что он не мог допустить, чтобы его невероятную прибыль и окутанные тайной лавры опять перехватили алчные цюрихские мошенники или хитрящие заморские саботажики из числа бывших сограждан.

Деньги дядя уважал и к людям, у которых они есть, относился с почтением. Персонажи, у которых их, как говорится, куры не клюют, пользовались у дяди большим расположением. Если у человека имелись признаки державной власти или всемирной известности, то дядя Мур готов был потчевать их бесплатно.

Ближе к концу святок на Враженский неожиданно прополз «Фокстрот», за ним ещё один, а за ними колбаса лимузина и ещё пять или шесть машин представительского класса с чиновничьими мигалками. Кортёж уткнулся в конец переуллка и, в силу своей длины, выбраться оттуда уже никак не мог.

Дядя Мур вышел порадоваться за высоких монастырских гостей, но дворника беспокоить не стал, просто степенно вышагивал по снежку между солидными машинами и мечтал.

– Мужчина, идите отсюда! – просила его охрана.

– Это мой переулок и вы его перегородили, – мяукал дядя и улыбался, приспустив на носочки. – Вот мой дом. Мы хозяевья. Так что потрудитесь убраться.

Вдоволь насладившись статусным положением, он вернулся домой и понял, что что-то упустил: везде горел свет, в парадной было полно лаковой обуви, при этом царила на редкость благочинная тишина и даже телевизор безмолвствовал. Завороженный неожиданностью предстоящих событий, дядя закрался в зал.

– Ну что ж, спасибо вам, Анна Фёдоровна, за чай, – вставая, жал руку хозяйке вельможный московского типа пан, крупный, с лощенной бородой и в чиновничьем шарфике. – Следите за ним. Берегите.

– Приветствую, – поклонился дядя Мур и пожал богатырскую длань, покосившись на рынду, занявшего позицию у старинного шахматного стола. – Лимур Аркадьевич.

– Владимир Иосифович, – представился высокий гость, уже не присаживаясь, и с лёгким поклоном добавил: – Меньш.

– Да узнаем-с, узнаем-с, – залепетал хозяин, доставая из японского шкафчика набор для саке. – Телевижен смотрим-с. Кого прикажете беречь?

– Вас, – улыбнулся вельможный пан, – достояние вы наше.

– Слава тебе, Господи! – ещё раз поклонился дядя и как-то по-детски прищёлкнув каблучком, вытянулся, точно готовый читать стихотворение за конфеты. – Рад служить. Весьма обязан. А чем, собственно?

Меньш указал рукой на разливаемую дядей по пиалам воларку.

– Дошла и до вас молва? – засмеялся хозяин, а гость удивлённо развёл руками:

– А на что Москве уши? Слышали, слышали. И пробовали не раз.

Кот Гитлер, тершийся о ногу охранника, размашисто зевнул, демонстрируя своё пятнистое нёбо.

– Разрешите, Владимир Иосифович, за ваше здоровье-с? Кошка! Ставь воду на пельмени с медведем. Я сам крутил.

– И мясо своё?

– Не держим, – грустно вздохнул дядя. Они тихо выпили. – А лимуровка ведь не единственное мое изобретение, есть и другие.

– Например? – насторожился Меньш, закусывая стерлядкой.

– Никому не рассказываю, ибо боюсь нарушить права. Вы ведь, Володя, знаете, какой балаган начнется, если придумать топливо раз в десять дешевле и эффективнее бензина?

Тут Меньш действительно, кажется, призадумался.

– А кому будет нужен патриарх, если я объясню, как услышать голос самого Иисуса Христа?

Владимир Иосифович сразу расслабился.

– Поверьте мне, это происходит постоянно на многих застывающих поверхностях. Просто мы не умеем воспроизвести. Смотрите! – сказал дядя Мур и вытащил из японского шкафчика бесформенный кусок какой-то породы. – Это застывшая лава с Везувия. Хотите услышать его извержение?

Не обращая внимания на отказ, он достал из ящика что-то вроде бормашины с иглой на конце и медленно повёл по поверхности артефакта. Из усилителей раздался отвратительный звук, скрежет и треск.

– Вот, – сказал затейник, подливая под шумок воларку. – Ну, запись конечно немного пострадала. Время. Но... А представьте себе, что нас окружают предметы сохранившие брачные песни динозавров, магические заклинания первых гончаров. Звук – это если угодно, продольные волны в упругой среде. Если звук отражается от поверхности, значит он на неё воздействует и в определенных условиях оставляет след. Звуковая волна – вот в чём наука будущего! С помощью неразличимых звуковых частот я могу заставить вас...

– Зачем же меня заставлять, Лимур Аркадьевич? – добродушно возмутился министр. – Я и сам могу...

– Мочь-то вы можете. Но тут вопрос власти. Вопрос послушания.

– Так вот о власти и послушании, – вздохнул вельможный москвич. – Я к вам, собственно, по дороге заглянул по просьбе святителя томского.

– Весь внимание, – насторожился дядя Мур.

– Идёт от вашей науки по святой монастырской земле какая-то нехорошая вибрация. Мы тут роспись восстанавливаем, решаем, какой слой ценнее – сами понимаете, ЮНЕСКО, государственная охрана культурного наследия – а у владыки всё сыпется.

Естествоиспытатель нахмурился, а серьезный человек взял его руку и помял по-дружески в своих теплых благодетельных пальцах.

– А ещё участковый ваш шлёт в центр какие-то странные донесения о... – гость осёкся. – Я бы даже сказал волшебные донесения.

– Так что всё-таки для страны важнее, – спросил дядя Мур, мучаясь от чиновничьих ласк, – наука или религия?

– Может, мы вас в район какой-нибудь переселим?

Дядя понял, что дело пахнет очередной ссылкой семейства.

– А участок ваш под кельи пригодиться. Оставим здесь и старца вашего. Ему уже поздно климат менять.

– Всё ясно, – капитулировал дядя Мур и ещё раз убедился в чудовищности своих подозрений. – Я отвлекусь на минуточку.

– Нет, нет, нет! – спохватился министр и начал спешно откланиваться перед хозяйкой, а хозяина вдруг пригласил: – Сейчас будет ужин с иностранными учёными в ботаническом саду. Я бы очень хотел просить вас, – положил он руку на грудь, – с бутылочкой.

– Бочонок возьмём, – отчеканил дядя Мур, причём вид у него был кислый как у человека с внезапным приступом зубной боли.

Осьмая за произрастения благия

Меньш стыдливо усмехнулся, когда хозяин лаконично согласился. Оба они секунду рассматривали друг друга. Министр исследовал вельвет рыжеватого дядиного пиджака, дядя – странствующие по столу пальцы гостя и покрасневшие от угощения щеки.

Дядя Мур выходил из дома в сопровождении господ, как некогда его дед в сопровождении товарищей. Даром, что не было у дядюшки волшебного порошка. Конвой просочился через ворота на опустевший переулок под сенью казавшегося теперь мрачным белокаменного монастыря, миновал переулок Враженский, чёрным гуськом прошёл через кишаский детьми школьный двор к припаркованным наискосок кортежным баклажанам, лоснящимся своей дороговизной на фоне покосившихся заборов и накрытых сугробами избушек.

Погрузившись в кареты, они как процессия с китайским драконом поползли сквозь заблокированные мигающими полицейскими машинами метельные улицы города с похожими на старинные гардеробы особняками.

– Здесь есть интернет? – спросил присмиривший пассажир. – У меня кончились деньги на счёте.

Охранник сунул ему прямоугольный веер, Лимур лизнул его пальцем и стал корячиться с набором номера Анны Фёдоровны.

– Кошка, ты не забыла его покормить? – спросил он, прикрываясь ладошкой. – Ну, как кого? Старого. Пельмешек ему отвари. Смотри, чтобы валенки у него высохли. Целую. Всегда у нас старики жили в доме, – возвращая сенсорную головоломку, делился мой дядя. – Бывало, и матушку какую-нибудь приютим. Моя супруга очень сердобольный человек. Очень.

Взгрустнувши при мысли о семье, он крепче обнимал пятилитровый бочонок, смотрел на листающиеся картинки зимнего города, на расцвеченные в честь новогодних праздников проспекты, выступающие друг из-за друга аркадами фонари, на деревья с летящей сквозь ветки луной и думал про бельчат и волчат, про сирот и гнездящегося у него домового. Перед ними поползла в зимней роще ослепительная громада университета. Они, туго сбрасывая скорость, приткнулись в кортежный хвост, сворачивающий через библиотечный шлагбаум в проезд к ботаническому саду.

Дядя Мур зажмурился от резкого света прожекторов, а когда они въехали в лесную темень, он увидел в стекле своё горящее зевающее лицо. Ещё один поворот, голубые ели и привратник в фуражке с золотым галуном перед стеклянной оранжереей, торчавшей будто купол потонувшего Рейхстага.

Встретили вечерних гостей какие-то старые доктора с лицами ушедших королей. Двое из этих академиков сели к ним в машину, и они ещё немного проехали за компанию. Старцы – один немец, другой итальянец – говорили друг с другом на «ты» и секунды по три молчали после метких сентенций. Из машины все переместились в оранжерею, где среди растений на тропинке у подёрнутого ряской пруда был накрыт стол, за которым демиурги неведомых академий без остановки продолжали свой механически-воркующий немецкий разговор. После особенно звенящих мыслей были слышны легкие звуки клавесина, доносящиеся от стоек с компьютерами, расставленными хаотично среди зарослей.

Лимур Аркадьевич не понимал смысла его присутствия на этом тайном симпозиуме, самостоятельно пользовался краником стоявшего посреди стола бочонка до тех пор, пока не начал испытывать трудности с покачиванием на стуле. Он хватался за бамбуковую раму стеклянного стола и переводил безучастный взгляд с одного собеседника на другого. Его ненужность в этой академической богадельне казалась ему даже забавной, и он не стеснялся есть да пить, бережно передавая желающим лимуровку. Наконец, за ней потянулась и длинная рука смотрящего по городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.